

А.А. Широ́в, Н.Н. Михеева, М.С. Гусев, К.Е. Савчишина

МАКРОЭКОНОМИЧЕСКАЯ СТАБИЛИЗАЦИЯ И ПРОСТРАНСТВЕННОЕ РАЗВИТИЕ ЭКОНОМИКИ

В статье анализируется взаимосвязь политики макроэкономической стабилизации и развития российской экономики на отраслевом и региональном уровнях. Констатируется, что в условиях структурной и региональной несбалансированности макроэкономическая стабилизация сама по себе не обеспечивает перехода к устойчивому экономическому росту. Действия на макроэкономическом уровне должны быть направлены на устранение разрывов в уровне эффективности производства отдельных видов деятельности и создание условий для расширения производственной связанности регионов.

Одним из результатов текущей экономической политики считается достижение на макроэкономическом уровне определенной стабилизации, которая отражается в низких показателях инфляции, бездефицитном бюджете, относительно стабильном курсе рубля. С теоретической точки зрения такая макроэкономическая ситуация должна формировать условия для сбалансированного экономического роста путем повышения устойчивости финансовой системы [1].

Можно согласиться с тем, что в результате действия политики макроэкономической стабилизации удалось парировать ряд рисков экономического развития в условиях неблагоприятной внешнеэкономической конъюнктуры и прямого экономического давления на Россию из-за рубежа. В то же время достижение желаемых показателей макроэкономической стабильности пока не привело к существенному оживлению экономической динамики. Поэтому для перспективной экономической политики принципиально важным является вопрос о том, насколько целесообразным является сохранение текущей конфигурации мер регулярной экономической политики как ключевого элемента управления экономикой в среднесрочной перспективе.

Анализ текущей экономической динамики. Развитие экономики в 2014-2018 гг. продемонстрировало, что в инерционном режиме экономика России способна показать средние темпы экономического роста не выше 1,5-2,0%. Такие темпы роста неприемлемы как с точки зрения накопленного за последние 10 лет отставания от ведущих стран мира, так и с точки зрения модернизации российской экономики и повышения уровня жизни населения. Вместе с тем анализ среднесрочного потенциала экономического роста демонстрирует, что, исходя из фундаментальных факторов труда и капитала, среднегодовые темпы роста ВВП в перспективе до 2024 г. могут составлять до 4-5% в год. Динамика изменения основного капитала и ВВП за 2009-2017 гг. свидетельствует о том, что на данный момент в российской экономике сформировался существенный потенциал роста за счет загрузки конкурентоспособных производств. За период 2009-2017 гг. среднегодовой прирост основных фондов в сопоставимых ценах составлял 3,7%. За этот же период среднегодовой темп экономического роста не достигал и 1% в год (0,7%) (рис. 1).

Если предположить, что в 2008 г. производственные мощности были полностью загружены, то на 2017 г., с учетом фактической экономической динамики, их загрузка должна была составить 76%.

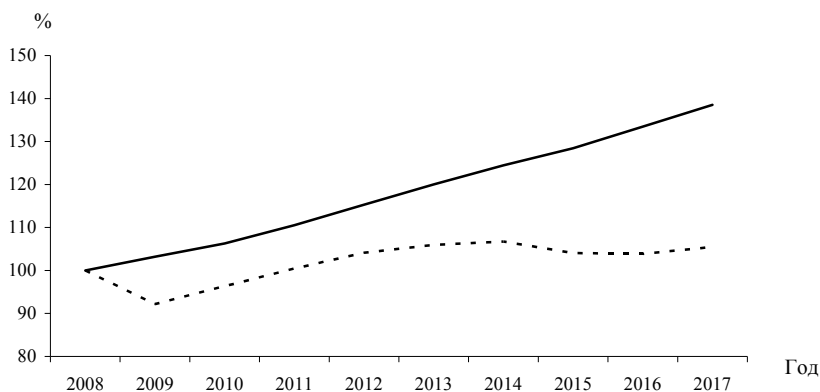

Рис. 1. Динамика основных фондов (—) и ВВП (----) в сопоставимых ценах (2008 г.=100)

Простые расчеты показывают, даже если основные фонды не будут увеличиваться, а экономика с 2019 г. будет расти на 5% ежегодно, то уровень загрузки мощностей, характерный для 2008 г., будет достигнут только в 2023 г. (рис. 2).

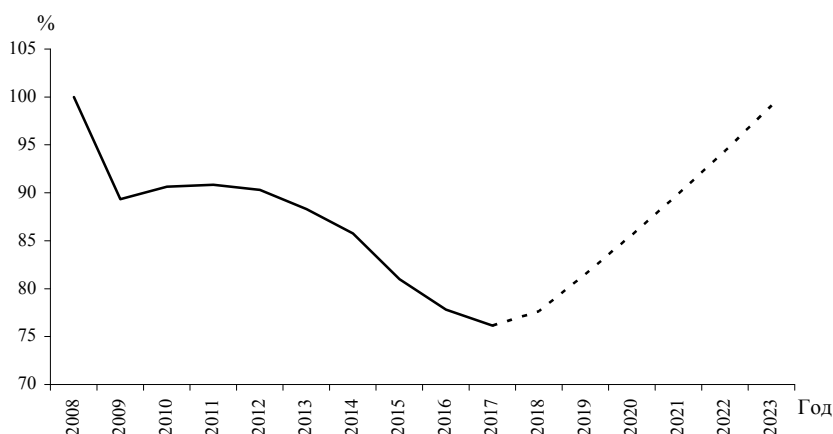

Рис. 2. Загрузка основных фондов (2008 г. = 100):

Если рассматривать уровень загрузки мощностей в 2014-2016 гг. на уровне отдельных видов деятельности, то можно выделить 3 группы:

- низкая загрузка мощностей около 50% характерна для производств инвестиционного комплекса – машиностроения и производства изделий из металлов;
- загрузка мощностей на 60-65% наблюдалась в производстве потребительской продукции (пищевые продукты и легкая промышленность) и производстве промежуточной продукции последних переделов (стройматериалы, изделия из резины и пластмасс);
- загрузка мощностей на 80-85% сохранилась в топливно-сырьевом комплексе: добыче полезных ископаемых, нефтепереработке, металлургии, основной химии, деревообработке и др.

Данные оценки, полученные на основе статистики Росстата, уровня использования среднегодовой производственной мощности по выпуску отдельных товаров, свидетельствуют о значительных резервах наращивания выпуска в несырьевом сегменте промышленности. При этом, если с 2013 по 2017 г. загрузка по видам

деятельности в топливно-сырьевом секторе возросла или осталась неизменной, то в машиностроительных видах деятельности за данный период произошло снижение загрузки производственных мощностей.

Не меньшие резервы сохраняются и в использовании трудовых ресурсов. В 2018 г. около 22% всех занятых в промышленности работали с ограничениями по времени (находились в неоплачиваемых отпусках, работали неполный рабочий день, не работали в связи с простоем оборудования). И это при том, что почти 26% работающих в экономике, заняты низкоквалифицированным и малооплачиваемым трудом.

Все это говорит о том, что российская экономика с учетом имеющегося потенциала использования мощностей и трудовых ресурсов соответствует более высоким показателям экономического развития. Не следует забывать и о том, что снижение реальных располагаемых доходов населения в течение 5 лет подряд сформировало существенный отложенный спрос населения на важнейшие виды промышленной продукции. Если бы в 2014-2018 гг. средний спрос населения на товары длительного пользования сохранялся бы на уровне 2010-2013 гг., то российские граждане приобрели бы дополнительно свыше 4 млн. новых легковых автомобилей (при потенциальных объемах выпуска 1,8 млн. шт. в год), почти 5 млн. холодильников (при годовом потенциальном выпуске 4 млн. шт.), 4 млн. стиральных машин (при годовом потенциальном выпуске 3 млн. шт.) и т.д.

Однако с учетом ограничений на спрос, обусловленных макроэкономической стабилизацией, потенциальные темпы роста ВВП находятся на уровне 1,5-2,0%. В частности, это выражается в избыточном резервировании. По итогам 2018 г. профицит бюджета составил 2,7 трлн. руб., структурный профицит в банковской системе около 3 трлн. руб. В целом объем резервирования в экономике в 2018 г. превысил 8% ВВП. Сложилась ситуация, в которой доходы в условиях благоприятной внешнеэкономической конъюнктуры не используются на цели модернизации экономики, искусственно занижая темпы экономического роста. Казалось бы, в условиях имеющегося потенциала роста за счет использования свободных мощностей естественной была бы политика разумного стимулирования спроса на основе повышения уровня экономической активности. Однако этого не происходит. Повидимому, сдерживающим фактором являются те риски, которые сопровождают проведение активной экономической политики. Нет сомнений в том, что активная экономическая политика в существенной степени рискованна для принципов макроэкономической стабилизации. Однако не менее существенные риски возникают при длительном избыточном нахождении спроса на уровнях ниже равновесных.

Низкие темпы экономического роста способствуют сохранению имеющихся дисбалансов в уровнях доходов и эффективности производства. В связи с этим можно высказать предположение, что в условиях высокой структурно-институциональной несбалансированности длительная опора на меры макроэкономической стабилизации может выступать фактором снижения потенциала экономического роста. В современной разноразмерной экономике, находящейся в ситуации структурного неравновесия, стабильность финансовой системы не может обеспечивать запуск экономического роста. Наоборот, ограничения, формируемые требованиями по макрофинансовой стабильности на спрос, создают новые ограничения на уровне секторов экономики и регионов, существенно повышая риски общей макроэкономической стабильности в среднесрочной перспективе.

Если это предположение верно, то ответом на снижение эффективности мер регулярной макроэкономической политики должен стать набор мер по устранению критических проявлений структурной несбалансированности на уровне отраслевых и региональных взаимодействий [2-3].

Попробуем оценить влияние политики макроэкономической стабилизации на развитие экономики, проанализировав ситуации на отраслевом и региональном уровнях.

Отраслевые особенности экономического развития. Структурная несбалансированность российской экономики достаточно хорошо прослеживается на уровне отдельных видов экономической деятельности. Несмотря на то, что экономическая конъюнктура в 2016-2018 гг. для российской экономики оставалась относительно благоприятной, это не привело к существенному ускорению экономического роста. В то же время это позитивно сказалось на динамике производства в сырьевых секторах экономики. Достаточно сказать, что в 2017-2018 гг. вклад сырьевого сектора (добыча полезных ископаемых, нефтепереработка, химическое и металлургическое производства) в динамику промышленного производства превышал 65%, а например, вклад машиностроительных видов деятельности в динамику промышленного производства в 2018 г. не превысил 0,1%

Таким образом, сформировалась парадоксальная для российской экономики ситуация, при которой рост сырьевых доходов от внешнеэкономической деятельности (цены на нефть за 2017-2018 г. увеличились более чем на 60%) не трансформировался в сколько-нибудь значимое ускорение темпов экономического роста.

Произошло это потому, что под воздействием неблагоприятной внешнеэкономической конъюнктуры российские сырьевые компании предпочли инвестициям в расширение и модернизацию производства иные источники использования средств: ускоренное погашение внешнего корпоративного долга и выплату дивидендов. Важнейший канал трансляции сырьевых доходов в российскую экономику оказался заблокированным. Еще одним направлением сырьевых доходов в экономику является бюджет, но в результате действия бюджетного правила эффект улучшения внешнеэкономической конъюнктуры был сильно ограничен. Экономическая динамика 2017-2018 гг. наглядно показала, что в условиях сильной зависимости российской экономики от динамики внешних доходов искусственное ограничение их влияния на внутреннюю экономику не может привести ни к чему иному, кроме экономической стагнации. Так будет продолжаться до тех пор, пока не будут существенным образом изменены качественные характеристики производства в базовых секторах российской промышленности.

Хуже всего то, что в результате действия бюджетного правила была утрачена возможность рыночного регулирования внутренних цен на сырьевую продукцию. До сих пор при улучшении параметров внешнеэкономической конъюнктуры наблюдалось укрепление курса рубля, что вело к сдерживанию цен на сырье, формируемых по принципу экспортного паритета (внутренние цены равны мировым за вычетом налогов и затрат на транспортировку с учетом курса рубля). В результате действия бюджетного правила эта зависимость была нарушена. Таким образом сформировались условия для опережающего роста цен на сырьевую продукцию.

В 2018 г. при росте индекса цен производителей на 11,9% (в среднем за год) вклад сырьевых товаров в эту динамику составил более 80%. С точки зрения издержек производства это означало опережающий рост цен на промежуточную продукцию. С учетом высоких реальных ставок по кредитам для нефинансовых предприятий такая ситуация способствовала перераспределению финансовых ресурсов в пользу сырьевых производств и финансово-посреднического сектора. Статистика финансовых результатов по итогам 2018 г. подтверждает эту тенденцию. Наибольший рост сальдированного финансового результата нефинансовых предприятий отмечался в добыче полезных ископаемых, нефтепереработке и торговле. Среди всех укрупненных видов экономической деятельности наибольший рост добавленной стоимости продемонстрировали финансовые услуги.

В таких условиях произошла поляризация секторов российской экономики по показателям финансово-экономической деятельности. С учетом имеющейся региональной отраслевой специализации это не могло не сказаться на показателях региональной экономической дифференциации.

Экономическая ситуация в регионах. Стагнация экономики в 2014-2018 гг., ставшая результатом в том числе проводившейся макроэкономической политики, обострила социально-экономическую ситуацию во всех регионах и усилила их дифференциацию.

Экономический рост всегда сильно дифференцируется по территории, исключением не является и региональная динамика после кризиса 2008-2009 гг.: ни в одном году рост не был повсеместным, положительная динамика производства в одних регионах сопровождалась спадом в других (табл. 1).

Таблица 1

Темпы прироста суммарных по РФ показателей и число регионов с отрицательной динамикой соответствующего показателя*

Показатель	2010 г.	2011 г.	2012 г.	2013 г.	2014 г.	2015 г.	2016 г.	2017 г.	2018 г.
Суммарный по регионам ВРП, %	4,6	5,4	3,1	1,8	1,3	-0,6	0,8	1,8	...
Число регионов с отрицательной динамикой ВРП	8,0	3,0	12,0	14,0	12,0	45,0	30,0	12,0	...
Реальные доходы населения, %	5,4	1,2	5,8	4,8	-0,5	-4,1	-5,6	-1,3	-0,2**
Число регионов с отрицательной динамикой доходов населения	6,0	34,0	3,0	4,0	29,0	76,0	81,0	72,0	62,0
Инвестиции в основной капитал, %	6,3	10,8	6,8	0,8	-1,5	-10,1	-0,2	4,4	4,3
Число регионов с отрицательной динамикой инвестиций	25,0	10,0	19,0	36,0	39,0	58,0	50,0	32,0	38,0
Индекс промышленного производства, %	7,3	5,0	3,4	0,4	1,7	-0,8	2,2	2,1	2,9
Число регионов с отрицательной динамикой промышленности	10,0	9,0	8,0	20,0	18,0	29,0	18,0	11,0	19,0

* Данные за 2010-2014 гг. приведены по 83-м субъектам Российской Федерации, из анализа исключены Республика Крым и г. Севастополь. Данные за 2015-2018 гг. приведены по 85-ти субъектам РФ.

** Росстат приводит разные оценки динамики реальных доходов населения в диапазоне от 99,8 до 101,3%, агрегирование региональных данных дает оценку, близкую к 99,8%.

Источник: расчеты авторов.

Макроэкономическая стабилизация не стала залогом стабилизации экономической ситуации в регионах. В 2015 г. ВРП снижался более чем в половине субъектов Федерации, а падение доходов населения и инвестиций стало практически повсеместным. В 2016 г. падение ВРП продолжилось только в 30-ти регионах, однако ситуация с доходами населения и инвестициями продолжала ухудшаться. Улучшение ситуации проявилось в 2017 г., когда прирост ВРП на 1,8% был обеспечен положительной динамикой производства в 73-х субъектах Федерации, при этом динамика инвестиций и доходов населения оставалась крайне неустойчивой.

Даже в 2016 г. в подавляющем большинстве регионов промышленность росла, что обеспечило ее положительный вклад в региональную экономическую динамику.

Итоги 2017-2018 гг. не дают основания для утверждения о переходе к устойчивому росту. Падение реальных доходов населения в целом по стране продолжилось, признаки улучшения ситуации обнаружились в 18-22 регионах, однако в этих регионах проживает менее трети населения РФ. Более чем в половине регионов в 2017-2018 гг. отмечался рост инвестиций в основной капитал, но его темпы недостаточны, чтобы перекрыть падение в 2014-2016 гг. (табл. 2).

Таблица 2

Темпы прироста показателей социально-экономического развития федеральных округов в 2018 г., %

Федеральный округ	Промышленность		Добыча полезных ископаемых		Обрабатывающие производства		Реальные доходы населения		Оборот розничной торговли		Инвестиции в основной капитал	
	2018 г.	2018/2013	2018 г.	2018/2013	2018 г.	2018/2013	2018 г.	2018/2013	2018 г.	2018/2013	2018 г.	2018/2013
Российская Федерация	2,9	8,3	4,1	11,0	2,6	8,7	-0,2	-11,3	2,6	-8,4	4,3	-3,4
Центральный	8,5	18,3	4,2	11,4	9,1	23,1	-1,6	-13,8	4,0	-6,8	8,9	12,7
Северо-Западный	2,7	3,7	-0,2	6,2	3,3	4,5	-1,7	-8,2	2,4	-1,7	4,3	8,0
Южный	5,7	37,5	13,7	68,8	4,9	35,5	1,5	-3,2	3,5	-0,7	-8,9	-29,7
Северо-Кавказский	1,0	19,9	-3,1	-16,5	2,9	27,5	-2,1	-7,1	-2,6	-5,4	2,4	-11,1
Приволжский	2,7	10,2	3,7	8,0	2,0	12,9	-0,6	-13,0	3,9	-8,1	-1,7	-17,6
Уральский	6,4	9,7	6,2	6,2	7,2	16,1	-1,4	-17,3	3,5	-16,4	4,5	5,7
Сибирский	3,4	12,3	4,9	23,1	2,5	5,9	-1,9	-14,4	2,2	-13,5	5,5	-12,1
Дальневосточный	4,4	23,6	6,7	30,0	0,2	9,0	0,6	-6,0	3,0	6,3	2,6	3,7

Источник: расчеты авторов по данным Росстата.

Наиболее устойчивую динамику демонстрирует промышленность, во всех федеральных округах в 2018 г. уровень 2013 г. превышен в промышленности в целом, в добыче полезных ископаемых и в обработке. При этом динамика показателей, связанных с конечным спросом, оставалась негативной, уровень реальных доходов населения, соответствующий 2013 г., не был достигнут в 2018 г. ни в одном из федеральных округов. Несмотря на падение реальных доходов населения, оборот розничной торговли в 2018 г. начал расти, однако объемы потребительского спроса далеки от уровня 2013 г., в Уральском округе он ниже на 16,4%, в Сибирском – на 13,5%.

Инвестиции в основной капитал в 2018 г. превысили показатели 2013 г. в Центральном, Северо-Западном, Уральском и Дальневосточном округах, однако на Северо-Западе падение инвестиций началось с 2012 г., на Дальнем Востоке – с 2011 г. Ситуацию в инвестиционной сфере даже в этих округах нельзя считать стабилизирувавшейся, что подтверждается крайне неустойчивой динамикой строительства. Показатели 2013 г. превышены в 2018 г. в Уральском округе на 37,4%, в ЦФО – на 1%, в Южном округе строительные работы в 2018 г. составили 64,1% к уровню 2013 г., в Сибирском – 68,6%.

Структурные пропорции региональной динамики. Пространственное распределение экономического роста носило инерционный характер, анализ «географии» экономической динамики показывает, что имевшиеся пространственные диспропорции в условиях последних лет только усугублялись.

Темпы прироста ВРП за период 2014-2017 гг. превышали средние по РФ в федеральных округах европейской части России, в Центральном округе они близки к среднероссийскому уровню (табл. 3).

Таблица 3

Темпы прироста ВРП в федеральных округах в 2010-2017 гг., %

Федеральный округ	Среднегодовой темп прироста 2010-2013 гг.	2014 г.	2015 г.	2016 г.	2017 г.	2017/2013
РФ	3,7	1,3	-0,6	0,8	1,8	3,3
Центральный	3,3	0,8	-0,7	1,3	1,9	3,3
Северо-Западный	3,6	0,9	1,5	1,7	0,5	4,7
Южный	4,9	2,1	-0,5	1,3	3,0	6,0
Северо-Кавказский	4,2	4,6	-0,2	0,9	1,1	6,5
Приволжский	4,7	2,0	-1,3	0,0	1,4	2,1
Уральский	3,8	-1,0	-1,2	0,3	3,0	1,0
Сибирский	3,6	1,6	-1,2	0,3	2,3	3,0
Дальневосточный	2,4	1,9	0,7	0,3	-0,2	2,7

Источник: данные Росстата http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/accounts/#

Стабильный экономический рост был отмечен только в СЗФО, в котором темпы прироста ВРП были положительны в течение всего анализируемого периода. Динамика ВРП Северо-Запада определяется прежде всего ростом экономики С.-Петербурга, в котором зарегистрировано около половины ВРП СЗФО. Аналогично темпы роста ЦФО почти полностью определяются динамикой Москвы, на долю которой приходится около 60% ВРП ЦФО (вместе с Московской областью Москва формирует почти $\frac{3}{4}$ ВРП ЦФО). На динамику двух крупнейших в стране агломераций, с одной стороны, оказывает влияние множество специфичных для этих регионов факторов, включая агломерационные эффекты, институциональные преимущества, реализацию столичной ренты и т.д.¹ С другой – вследствие масштабов экономики эти регионы находятся в сильной зависимости от колебаний конъюнктуры, поэтому пер-

¹ Их анализ достаточно подробно представлен в литературе [4-7].

вый удар кризисы наносят именно по столичным агломерациям и нефтегазодобывающим регионам.

Влияние политики макроэкономической стабилизации оказалось наиболее пагубным для крупных индустриальных центров: Уральского и Приволжского округов, прирост ВРП в которых в 2017 г. по отношению к 2013 г. был минимальным, соответственно 1,0 и 2,1% по стране.

Сложившиеся в экономике структурные диспропорции, включая диспропорции в пространственном распределении производства, являются важнейшим фактором, ограничивающим рост [8-9].

Региональная динамика складывается под воздействием двух взаимосвязанных факторов: общенациональных условий, включая макроэкономическую политику, определяющих общенациональный тренд, и региональных условий, характеризующих особенности отдельных регионов, включая структуру производства, производственный и человеческий потенциал, инфраструктурные ограничения, объем регионального рынка, агломерационные процессы. Расчеты вклада общенациональных и региональных факторов, проведенные методом структурных сдвигов², показывают, что в период экономического роста доминирование общенациональных факторов оказывается абсолютным для динамики ВРП во всех федеральных округах. В условиях низких темпов различия в росте регионов определяются в зависимости от вклада региональных факторов.

Возможности использования региональных факторов роста напрямую зависят от экономической политики, проводимой на федеральном уровне, которая может как стать дополнительным импульсом к региональному развитию, так и способствовать консервации экономических проблем.

Положительный вклад структурного компонента в региональное развитие означает, что структура производства в регионе оказывается более эффективной по сравнению с общенациональной с точки зрения обеспечения темпов экономического роста, т.е. доля быстрорастущих отраслей в регионе выше, чем в экономике в целом. Негативный вклад эффекта отраслевой структуры означает обратное: доля медленно растущих отраслей в регионе выше, чем в экономике в целом. Наиболее стабильным сектором российской экономики в условиях кризиса 2015 г. и последующего восстановления оказалась промышленность, показатели 2013 г. в 2018 г. были превышены во всех федеральных округах. Именно высокая доля промышленных отраслей обеспечила в Приволжском, Уральском, Сибирском и Дальневосточном округах положительный вклад структурных факторов (рис. 3).

Экономические условия, созданные для регионов в условиях макроэкономической стабилизации, привели к тому, что в крупнейших индустриальных центрах России – Приволжском, Уральском, Сибирском федеральных округах – имеющийся потенциал роста не был реализован, вклад региональных факторов в экономическую динамику оказался отрицательным, темпы роста ВРП в этих округах за 2014-2017 гг. были ниже среднероссийских (см. рис. 3). Произошло это, прежде всего, потому, что именно здесь сконцентрированы производства, ориентированные на конечный инвестиционный и потребительский спрос.

Результатом финансовой политики федерального центра стало гипертрофированное развитие финансового сектора, операций с недвижимостью (включая аренду и предоставление услуг). В 2010-2013 гг. за счет этих секторов было обеспечено 13,4% суммарного по России прироста ВДС. В 2014-2017 гг. вклад этих секторов составил 20%. Перераспределение средств в пользу финансового и

² Особенности использования метода структурных сдвигов для оценки вклада национальных и региональных факторов в экономический рост см. в [10-11]. Результаты расчетов для периода 2004-2016 гг. представлены в: [12].

сырьевого секторов стало одним из важнейших факторов формирования региональной экономической динамики.

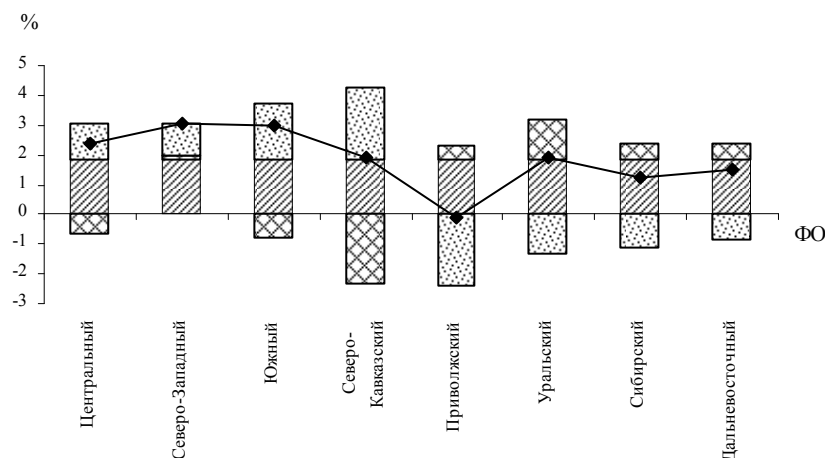

Рис. 3. Вклад национального и региональных факторов в прирост ВРП федеральных округов за период 2014-2017 гг.:
 ▨ – Ns общенациональный фактор; ▩ – IS структурный; ▤ – RS региональный;
 —◆— sum прирост ВРП в 2017 г. по отношению к 2014 г.

В зависимости от величины вклада в прирост ВДС в 2016 г. по сравнению с 2013 г. виды экономической деятельности³ распределены следующим образом: сектор коммерческих услуг – 33,9% совокупного прироста, промышленность – 37,3%, в том числе обработка – 17,9%. Сокращение социальных расходов привело к снижению доли сектора социальных услуг в приросте ВДС с 19,4% в 2010-2013 гг. до 7,8% в 2014-2017 гг. (табл. 4).

Таблица 4

Вклад отдельных ВЭД в федеральных округах в прирост ВДС в 2017 г. по сравнению с 2013 г. (% , текущие цены)

ФО	A+B	C	D	E	F	G	I+H+J+K	L+M+N+O	Всего	В том.. числе C+D+E	Доля в приросте ВДС РФ
РФ	5,1	15,5	17,9	3,9	3,9	12,0	33,9	7,8	100,0	37,3	100,0
ЦФО	3,5	0,7	16,8	3,0	3,0	18,3	48,4	6,4	100,0	20,4	33,6
СЗФО	3,1	7,1	19,3	4,1	3,6	10,2	41,9	10,7	100,0	30,5	12,7
ЮФО	12,6	7,3	15,4	5,8	-3,8	13,8	35,5	13,4	100,0	28,5	8,6
СКФО	20,3	0,7	13,5	1,6	9,3	16,1	20,4	18,1	100,0	15,8	2,2
ПФО	8,4	17,2	25,0	5,2	3,6	7,8	24,4	8,5	100,0	47,4	12,3
УФО	1,4	45,3	14,0	4,0	10,9	2,9	17,3	4,2	100,0	63,3	14,9
СФО	2,0	30,8	20,7	6,6	4,2	6,3	22,9	6,5	100,0	58,2	10,6
ДВФО	7,1	33,0	6,9	4,6	5,8	10,5	22,3	9,8	100,0	44,4	5,0

Источник: расчеты авторов по данным Росстата

³ Виды экономической деятельности приведены в соответствии с ОКВЭД-2007. В тексте использованы условные сокращенные названия ВЭД: A+B – сельское хозяйство, C – добыча полезных ископаемых, D – обработка; E – энергетика, F – строительство, G – торговля, I+H+J+K – сектор коммерческих услуг, L+M+N+O – сектор социальных услуг, C+D+E – промышленность.

Прирост ВДС имеет непромышленный характер в европейской части страны, вклад промышленности увеличивается по мере движения на восток, причем происходит это за счет не только вклада добывающих отраслей, но и прироста ВДС в обработке.

Вклад региональных факторов в экономическую динамику определяется множеством региональных особенностей, большая часть которых трудно формализуема, поэтому учесть влияние на них макроэкономической политики весьма затруднительно. Но не подлежит сомнению, что макроэкономическая политика оказывает непосредственное влияние на региональную динамику через формирование конечного спроса.

Выше указывалось (см. табл. 2), что показатели конечного спроса в 2018 г. не достигли уровня 2013 г., причем подавляющее конечный спрос воздействие макроэкономической политики сказывается в наибольшей мере именно на крупных индустриальных центрах.

Сокращение инвестиционного и потребительского спроса, а также ограничения на рост бюджетных расходов обострили еще одну чрезвычайно важную для регионов проблему – узость региональных рынков и тенденцию к их сжатию. Анализ долгосрочных сдвигов в структуре производимой ВДС [12] показал наличие тренда к увеличению в структуре произведенного ВРП большинства регионов доли «неторгуемых» отраслей⁴. Значительную часть ВДС «неторгуемых» отраслей составляют отрасли социальных услуг, драйвером роста которых являются бюджетные расходы на содержание социальной сферы регионов.

Высокая доля «неторгуемых» отраслей, ориентированных на внутрирегиональный спрос, при плохо развитой инфраструктуре и низкой плотности населения, характерной для большинства российских регионов, означает создание локальных рынков, которые не имеют внешних драйверов роста – внешнего спроса при весьма ограниченном внутреннем спросе, который определяется численностью и доходами населения, инвестиционным спросом, а также социальными расходами бюджетов. Узость внутрирегиональных рынков является одной из существенных причин депрессивности ряда российских регионов. Более того, в условиях падения доходов населения и бизнеса модель роста регионов, ориентированная на внутрирегиональный спрос, попадает в замкнутый круг: низкий спрос ведет к сокращению производства, что генерирует низкие доходы и опять порождает низкий спрос, наибольшие риски в этой связи возникают в регионах, в наибольшей мере ориентированных на «неторгуемые» отрасли.

Из анализа статистики следует, что в 2017 г. по сравнению с 2013 г. доля «торгуемых» отраслей повысилась во всех округах, кроме Центрального и Северо-Западного (табл. 5), однако более детальный анализ показывает, что это не является признаком расширения региональных рынков, скорее, наоборот. Снижение доли «неторгуемых» отраслей произошло исключительно за счет снижения вклада в прирост ВДС отраслей социальных услуг в результате оптимизации бюджетных расходов. Тем самым относительное сокращение сектора социальных услуг, обеспечивающего наиболее стабильную занятость и доходы населения, способствовало дальнейшему сжатию региональных рынков.

Стандартным выходом из кризисных ситуаций для регионов с узким локальным рынком является либо внешний импульс, которым может быть экспортный спрос либо межрегиональный спрос на «торгуемые» товары, либо расширение спроса на

⁴ К «торгуемым» условно отнесены отрасли, ориентированные как на внутренний, так и на внешние рынки, это добыча полезных ископаемых, обрабатывающие производства, сельское хозяйство, рыболовство. К «неторгуемым» – отрасли, ориентированные прежде всего на внутрирегиональный рынок: социальные и коммерческие услуги, транспорт, строительство.

услуги социальных отраслей, т.е. увеличение бюджетных расходов на социальные нужды. В этой связи развитие межрегионального рынка является одним из важнейших факторов стимулирования роста в регионах, развиваться он может на базе «торгуемых» отраслей, в первую очередь промышленности.

Таблица 5

Доля «торгуемых» и «неторгуемых» ВЭД
в структуре ВДС федеральных округов

ФО	2017 (%)				Изменение в 2017 по сравнению с 2013 (проц. п.)			
	«торгуемые»	в том числе промышленные ВЭД	«неторгуемые»	в том числе социальные услуги	«торгуемые»	в том числе промышленные ВЭД	«неторгуемые»	в том числе социальные услуги
РФ	34,1	29,5	45,3	13,0	1,7	1,5	0,1	-2,0
ЦФО	21,0	18,0	50,1	12,4	0,0	-0,2	2,8	-2,2
СЗФО	29,9	27,0	52,4	14,7	-0,2	-0,3	1,8	-1,9
ЮФО	30,3	19,5	49,9	15,4	2,5	1,6	-2,4	-1,0
СКФО	25,5	10,3	51,4	23,8	3,0	1,3	-1,2	-1,9
ПФО	43,9	37,2	39,5	12,8	2,0	1,5	-0,9	-1,3
УФО	53,9	52,0	33,9	8,1	2,8	3,0	-0,6	-1,6
СФО	42,0	37,3	42,8	14,7	4,6	5,7	-3,7	-3,3
ДВФО	39,9	33,9	45,0	16,6	2,6	2,2	-2,6	-2,5

Источник: расчеты авторов по данным Росстата.

Бюджетная обеспеченность. Одним из наиболее показательных примеров влияния параметров макроэкономической стабилизации на сбалансированность уровней экономической системы является ситуация с региональными бюджетами.

Низкая экономическая динамика в 2014-2017 гг. не позволила региональным бюджетам нарастить объем доходов (даже с учетом увеличившихся на 14% трансфертов из федерального бюджета). Реальная динамика доходов регионов в этот период была нулевой. В результате формальное укрепление финансовой устойчивости было достигнуто за счет снижения (в реальном выражении) расходов регионов на 4% в 2014-2017 гг. Основные потери пришлось на социальные расходы: в образовании финансирование сократилось на 11% в реальном выражении, в здравоохранении – на 21% (что было частично компенсировано ростом расходов внебюджетных фондов в связи с изменениями порядка финансирования). Также на 10% сократились расходы на обслуживание долга, однако их небольшая величина (менее 1,5% общей величины расходов) не позволяет рассматривать их снижение как источник значимого роста прочих расходов.

Одновременно удалось увеличить расходы на экономику (+5% в реальном выражении), что связано с реализацией ряда государственных программ, в том числе в импортозамещении (в частности, поддержка сельхозпроизводителей).

Таким образом, результатом региональной бюджетной политики последних лет стал рост финансовой стабильности за счет снижения в реальном выражении бюджетных расходов и бюджетной обеспеченности⁵ регионов. При этом ситуация в наименее благополучных и «средних» регионах ухудшилась в большей степени, чем в «богатых», тем самым усугубив разрыв между ними (табл. 6).

⁵ Здесь и далее под термином «бюджетная обеспеченность» понимается величина расходов региональных бюджетов на душу населения.

Таблица 6

Изменение показателей бюджетной обеспеченности и финансовой устойчивости регионов в 2014-2017 гг.*

Показатель	Регионы с уровнем бюджетной обеспеченности		
	низким	средним	высоким
Изменение уровня расходов и бюджетной обеспеченности (в реальном выражении)	Снижение: 23 региона Стагнация: 2 региона Рост: 2 региона	Снижение: 24 региона Стагнация: 4 региона Рост: 0 регионов	Снижение: 12 регионов Стагнация: 10 регионов Рост: 5 регионов
Изменение уровня доходов (в реальном выражении)	Снижение или стагнация: 23 региона Рост: 4 региона	Снижение или стагнация: 19 регионов Рост: 9 регионов	Снижение или стагнация: 16 регионов Рост: 11 регионов
Изменение финансовой устойчивости**	Ухудшение или стагнация: 13 регионов Улучшение: 14 регионов	Ухудшение или стагнация: 11 регионов Улучшение: 17 регионов	Ухудшение или стагнация: 14 регионов Улучшение: 13 регионов
<p>* Ранжирование регионов было проведено по уровню бюджетной обеспеченности.</p> <p>** Индикаторами финансовой устойчивости регионального бюджета являются показатели обеспеченности расходов собственными доходами и соотношение регионального долга к величине собственных доходов. В расчетах принято, что улучшение финансовой устойчивости происходит при одновременном улучшении обоих показателей.</p>			

Источник: расчеты авторов по данным Федерального казначейства.

Выводы.

1. В условиях структурной несбалансированности на отраслевом и региональном уровнях традиционные меры макроэкономической стабилизации, направленные на создание устойчивости в финансовой системе, не могут стать ключевым фактором ускорения экономической динамики.

2. Повышение эффективности мер традиционной макроэкономической политики в современных российских условиях должно сопровождаться набором мер, направленных на устранение наиболее критичных разрывов в уровне эффективности производства на отраслевом и региональном уровнях.

3. Формирование сбалансированных бюджетов регионов не должно сводиться к простому сжатию бюджетных расходов, в результате которого критически сокращаются возможности региональных властей маневрирования ресурсами в целях интенсификации территориальных факторов роста.

4. В результате действия политики макроэкономической стабилизации на федеральном уровне параметры спроса находятся на уровнях ниже равновесного, что негативно сказывается на развитии конечных обрабатывающих производств и наиболее значимых промышленных регионов страны.

5. В целях формирования позитивной экономической динамики необходима разумная модификация мер регулярной экономической политики, направленных на использование незадействованного промышленного потенциала и интенсификацию регионального компонента экономического роста.

6. Возврат к достаточно жестким параметрам макроэкономической политики возможен только в условиях устойчивого экономического роста и повышения уровня финансово-экономической устойчивости базовых секторов российской экономики.

Литература

1. Кудрин А., Горюнов Е., Трунин П. Стимулирующая денежно-кредитная политика: мифы и реальность // Вопросы экономики. 2017. № 5. С. 5-28.
2. Кузнецова О.В. Бюджеты Москвы и Санкт-Петербурга: сравнительный анализ // В кн.: Старая и новая Москва: тенденции и проблемы развития. М.: ИП Матушкина И.И., 2018. С. 9-24.

3. Кузнецова О.В. Москва как объект федеральной региональной политики // *Научные труды: Ин-т народнохозяйственного прогнозирования РАН. М.: МАКС Пресс, 2016. С. 606-621.*
4. Зубаревич Н.В. Экономические и бюджетные преимущества Москвы: как они формируются и используются? // В кн.: *Старая и новая Москва: тенденции и проблемы развития. М.: ИП Матушкина И.И., 2018. С. 25-36.*
5. Зубаревич Н.В. Рента столичного статуса // *Pro et Contra. 2012. № 6 (57). С. 6-18.*
6. Структурно-инвестиционная политика в целях обеспечения экономического роста в России: монография / Под науч. ред. акад. В.В. Ивантера. М.: Научный консультант, 2017. 196 с.
7. Система мер по восстановлению экономического роста в России // *Проблемы прогнозирования. 2018. № 1. С. 3-9.*
8. Региональные аспекты долгосрочной экономической политики: научный доклад / ИНП РАН, ИЭОПП СО РАН. М.: ИД «Международные отношения», 2018. 69 с.
9. Esteban J. Regional convergence in Europe and the industry mix: a shift-share analysis// *Regional Science and Urban Economics. 2000. No 30(3). P. 353-364.*
10. Knudsen, D. C. Shift Share Analysis: further examination of models for the description of economic change // *Socio-Economic Planning Sciences. 2000. № 34(3). P. 177-198.*
11. Михеева Н.Н. Макроэкономические эффекты структурных сдвигов в экономике регионов // *Регион: экономика и социология. 2018. № 4. С. 42-68.*
12. Михеева Н.Н. Исходные условия для формирования новой модели экономического роста: пространственный аспект // *Научные труды: Ин-т народнохозяйственного прогнозирования РАН. М.: МАКС Пресс, 2016. С. 586-605.*